

В. А. Лекторский²

ГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Идеал гуманизма, выработанный и взлелеянный в европейской культуре на протяжении столетий, который разделяли и обосновывали крупнейшие философы, писатели, социальные мыслители и который казался неотъемлемым от самого понимания человека, оказался в наши дни перед лицом серьезного вызова.

Беспрецедентный рост новых технологий, взрывающих сами основания человеческого «жизненного мира», ускользание этих технологий от человеческого контроля, глобальное распространение рыночной экономики, базирующейся на соображениях экономической эффективности и отвергающей всякие санкционные взаимоотношений, выражающееся в том числе и в росте международного терроризма, — все это может привести к мысли о том, что сегодня разгово-

ры о гуманизме не имеют никакого отношения к существующей реальности, что это просто некая риторика, которая не помогает разобраться в существующем положении дел, а уводит от такого понимания. Правда, с другой стороны, современная жизнь преподносит и нечто иное. Это рост социальных движений, апеллирующих к правам человека (несомненному выражению гуманизма), уважению человеческого достоинства, свободе самореализации и самовыражения (именно эти лозунги прокламируют сегодня участники разного рода молодежных движений). Но это также и осознание необходимости специальной гуманитарной экспертизы новых технологий. Это, наконец, существование множества так называемых гуманистических обществ, издающих свои журналы, устраивающих конференции, привлекающих в свои ряды ученых, философов, деятелей культуры.

Так как же относиться к идеалу гуманизма? Должен ли он быть отброшен или сохранен? Если его нужно отбросить, то какое понимание человека и межлических отношений может прийти ему на смену? Если же речь идет о его сохранении, то можно ли продолжать культивировать этот идеал в неизменном виде или же он нуждается в некоей модификации? Иными словами, как нужно отнестись к одной из старейших ценностей и традиций европейской культуры? Устарела ли она в современной ситуации или же нет? И как относиться к идеалу гуманизма в контексте современных межцивилизационных отношений?

Этот идеал был сформулирован в определенной форме и в определенное время. Это произошло в эпоху европейского Возрождения. Первые гуманисты при этом опирались на некоторые традиции античной философии. Гуманизм как идеал предполагает ценность индивидуальной человеческой жизни, признание достоинства и свободы человека, возможность и необходимость его самосовершенствования. Иными словами, это вера в человека и его возможности, то есть это светский идеал. Хотя первые гуманисты были

² Заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура» и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалью Института философии РАН «За вклад в философию».

христианами, религия, с их точки зрения, не сковывает человека и не лишает его автономии (тем не менее многие религиозные мыслители критикуют гуманизм, так как, по их мнению, он несовместим с религиозной верой; есть, правда, в наши дни и «христианский гуманизм», хотя для большинства современных гуманистов их гуманизм тождествен с атеизмом).

Однако изначально в самом идеале гуманизма были заложены возможности такого его понимания, которые при своей реализации вывели за его пределы, то есть вступали в противоречие с той идейной позицией, из которой они, казалось бы, выросли. В наше время это стало особенно ясно.

Например, такая важнейшая черта гуманизма, как ценность каждой человеческой жизни и каждой культуры. С точки зрения гуманизма все люди, независимо от их способностей, талантов и достижений, обладают равным достоинством и равным правом на уважение и свободное развитие. Конечно, хорошо, если человек может самосовершенствоваться и достигать высот в этом процессе. Но даже тот, кто в силу природных, социальных или культурных причин на это не способен, заслуживает признания. Тот, кто оказался в трудной ситуации, заслуживает сострадания. Классическая русская литература — это проповедь сострадания к «маленькому человеку», проповедь любви к униженным и оскорбленным и, конечно, всемирно признанный гуманизм.

Сегодня такого рода гуманизм воплощен в известной Декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций в 1949 году и признающей за каждым человеком ряд неотъемлемых прав: на здоровье, безопасность, получение образования, свободу волеизъявления, на достойную жизнь и т. д. После 1949 года ряд международных организаций (в частности, европейское сообщество) приняли документы, которые дополнили перечень индивидуальных и групповых, гражданских, социальных, культурных прав человека.

Следовательно, дело не в том, каких высот в развитии достиг тот или иной человек, каких взглядов он придерживается. Дело не в выстраивании разных культур в определенную шкалу с точки зрения так или иначе понятого уровня их развития, — а ведь человек обладает индивидуальной идентичностью постольку, поскольку он включен в ту или иную культуру. Каждый человек и каждая культура имеют право на уважение и защиту.

Все это, действительно, важно. Несомненно, принятие Декларации прав человека было серьезной вехой в социальной и культурной истории человечества, в истории воплощения гуманистических идеалов. Но в связи с этим возникают непростые проблемы.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что в современных условиях, когда разные культуры пришли к теснейшему взаимодействию, а иногда и к столкновению друг с другом (разные культуры взаимодействовали всегда, но сегодня, в условиях глобализации, уровень этого взаимодействия особенно высок, а степень взаимодействия весьма интенсивна), становится ясно, что между разными правами существуют непростые

взаимоотношения: осуществление некоторых из них в ряде случаев сталкивается с попранием других. Так, например, право индивида на свободное передвижение может вступать в противоречие с правом той или иной культуры на защиту — это обстоятельство, в частности, породило серьезные проблемы в современной Европе. В данном случае сам по себе гуманистический идеал не определяет конкретный способ решения жизненной проблемы. А ведь она исключительно остра: человек не существует вне культуры, и разрушение той или иной культуры — это также и конец человека определенного типа.

Кроме того, есть еще одна проблема. В Англии, Франции, Германии, США и других странах западной культуры сегодня существуют устойчивые сообщества представителей неевропейских культур, имеющих такие представления о правах человека и гуманизме, которые весьма отличаются от общепризнанных в странах их нынешнего проживания. В соответствии с господствующими сегодня представлениями о толерантности (считается, что толерантность — реализация одной из важных сторон гуманистического идеала) эти отличные от западных системы ценностей должны уважаться. Но не означает ли это, что в ряде случаев мы, руководствуясь гуманистическими соображениями, вынуждены уважать совсем *негуманные* ценности?

До недавних пор было признано, что практика взаимоотношений между живущими рядом представителями разных культур должна руководствоваться принципом мультикультурализма. Одно из распространенных его толкований состоит в следующем.

Другая культура должна уважаться, но ее невозможно понять извне и с ней нельзя взаимодействовать. Согласно этому пониманию культуры несоизмеримы. Разные культуры не соприкасаются друг с другом, так как существуют как бы в разных мирах. Вместе с тем не существует привилегированной системы взглядов и ценностей. Единственным исключением является идея о том, что все человеческие существа независимо от расы, пола и национальности имеют одинаковые права на физическую жизнь и культурное развитие.

Этой трактовке соответствует определенная практика. Люди, принадлежащие к иной культуре, чем культура страны их проживания, по сути дела, живут в некоем культурном гетто. Формально они имеют те же права, что и все остальные жители данной страны. Но реально не могут воспользоваться этими правами, так как не приняты господствующей культурой, не интегрированы в нее, не имеют возможности получить такое же образование, как представители господствующей культуры, и поэтому не могут занять достойного положения в обществе. Поэтому все разговоры об уважении каждой культуры и принадлежащих к ней людей оказываются на практике лицемерием, прикрывающим самое *негуманное* положение дел. Подобная ситуация, естественно, не может устроить обитателей культурных гетто, и они восстанут против нее, выступая в то же время против культуры принявшей их страны. Простого сосуществования разных культур не получается. На практике каждая культура пытается навязать остальным свою систему культурных смыслов

и ценностей. Поэтому не случайны недавние признания лидеров Франции и Германии в том, что практика мультикультурализма в том виде, в каком он практиковался до недавних пор, провалилась. Лежащая в основе понятого таким образом мультикультурализма идея культурного релятивизма и релятивистского понимания гуманизма оказалась не просто не работающей, но в реальности отрицающей принципы гуманизма.

Тогда как же относиться к гуманизму сегодня? Имеет ли он какой-то смысл в современном мире насилия, жестокости, циничного расчета, конфликта разных культурных смыслов и ценностей?

Ясно, что отказ от гуманизма в той или иной форме — в виде ли идеи трансгуманизма или же в виде попыток навязать в качестве всеобщей какую-то единственную систему ценностей и смыслов — приводит к краху как человека, так и человечества. Сегодня это стало более очевидным, чем когда бы то ни было.

Это не означает, что идеал гуманизма не нуждается в современной интерпретации, которая принимает во внимание сегодняшние реалии и в то же время выявляет непростые взаимоотношения между разными компонентами этого идеала, делающими возможным появление негуманных следствий при вроде бы вполне гуманных намерениях.

Нужно сказать, что исторически культ индивидуальности как неотъемлемая черта гуманистического идеала нередко толковался в духе автономии и «самозамкнутости» индивида. Это характерная черта европейской культуры, которая в течение нескольких столетий оказывала влияние не только на развитие философии, но и на науки о человеке. Ю. Хабермас считает, что всю европейскую философию Нового времени можно понять как философию индивидуального самосознания. Сегодня ясна ущербность и даже опасность такого понимания. Человек должен быть осмыслен как необходимо включенный в систему отношений с другими в рамках социальных и культурных общностей и как не существующий вне этой системы. А эти отношения строятся не только под углом зрения прав отдельного индивида, то есть с точки зрения того, что другие должны делать по отношению к нему, но также в контексте его обязанностей по отношению к другим и к той или иной коллективной общности, то есть того, что он должен делать для других.

Между прочим, это касается истории интерпретации прав человека. Когда в 1949 году была принята Декларация прав человека, главный упор был сделан на права индивида. Этот акцент соответствовал европейской традиции понимания таких прав. Но вскоре выяснилось, что представления об этих правах в неевропейских культурах существенно отличаются от тех, которые были положены в основу Декларации. Во многих культурах такого рода подчеркиваются прежде всего обязанности человека по отношению к государству, семье, старшим. Права вытекают из этих обязанностей: например, права старших по отношению к младшим как следствие обязанностей первых перед вторыми, так же как и права младших, вытекающие из обязанностей старших, обязанности подданных по отношению к государству и вытекающие из этого их права на

государственную защиту (то есть обязанности государства в отношении подданных) и т. д. Главная же особенность таких представлений о правах и обязанностях связана с иным, отличным от европейской традиции пониманием человека, его личности, степени его автономности и свободы, его включенности в социальные структуры.

Какой вывод следует из этого обстоятельства?

Дело не в том, что способ включенности индивида в социальные структуры, характерный для неевропейских обществ, следует признать универсальным. И не в том, что обязанности должны всегда превалировать над индивидуальными правами. И то, и другое должно сочетаться. Дело, действительно, в другом: в признании того важнейшего факта, что не только индивид нуждается в защите, но и те коллективные (социальные и культурные) общности, к которым он принадлежит и без которых невозможен. Понимание этого выразилось в принятии после 1949 года ряда дополнений к Декларации, в которых речь шла уже о защите прав коллективных общностей (в отношении которых у индивида существуют обязанности).

И в понимании свободы как неотъемлемого компонента гуманистического идеала должны быть сделаны новые акценты. Ранее достижение свободы обычно связывалось с преодолением внешних ограничений человеческой деятельности — со стороны природного и социального окружения. Это приводило, с одной стороны, к идее покорения природы, использования ее в интересах человека, контролирования естественных процессов. Но та же конструктивно-проективная установка применялась и по отношению к социальным процессам. Считалось, что гуманизация общественных отношений связана с их рационализацией, позволяющей контролировать процессы в обществе и конструировать новые формы человеческих взаимоотношений и даже новые типы людей.

Сегодня ясно, что такого рода понимание человека и его отношений к природе и обществу ведет к тупику. Идея «покорения природы» привела к экологическому кризису, идея тотальной рационализации межлических отношений — к отчуждению человека от государственной машины.

Приходится признать, что отношения с природой должны строиться по образцу своеобразного диалога (идея *коэволюции* природы и общества) и что идея мультикультурализма имеет смысл только в том случае, если взаимоотношения разных культур мыслятся не как простое сосуществование не взаимодействующих между собой коллективных общностей, а именно как их диалог.

Особенность диалога заключается в том, что в результате него разные культуры и включенные в них люди не консервируются, не застывают в имеющихся у них особенностях, а могут развиваться, то есть изменяться в определенных отношениях. Уважение к другому человеку и другой культуре выражается в том, что они не просто принимаются как некая существующая данность, а включаются в заинтересованный диалог.

Диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не значит некритическое принятие

чужой позиции. А только то, что в иной культуре, в другой системе ценностей не обязательно видеть нечто враждебное, в ней можно видеть что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут развить собственную самоидентичность.

Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире. Каждая культура имеет собственную перспективу во взгляде на ту или иную проблему. Сравнение этих перспектив возможно и практически плодотворно. При этом способы решения тех или иных общих проблем, предлагаемые в рамках разных культурных перспектив, могут быть не просто разными, но и отличными друг от друга с точки зрения их плодотворности в определенной ситуации. И эта плодотворность к тому же может по-разному оцениваться в связи с изменением ситуации.

Межчеловеческий и межкультурный диалог и есть важнейшая черта современного гуманизма. Я хочу обратить внимание также на то, что компоненты гуманистического идеала находятся между собой в определенном равновесии, иногда довольно хрупком. Культивирование одного из них в ущерб другим может вывести за пределы гуманизма.

Например, ценности свободы и равенства. Не так давно у нас много писали о том, что идеал равенства устарел (упрекая при этом советскую власть в том, что она слишком большое внимание придавала равенству), что главное для развития человеческих возможностей — это свобода. Но ведь свобода необходимо предполагает равенство людей в определенных отношениях. Это прежде всего равенство всех перед законом (равноправие), равенство в моральном смысле (нет «морали господ» и «морали рабов»). Наконец, человек может по-настоящему свободно развиваться только в том обществе, в котором существуют равные исходные социальные условия для развития. Если

один человек родился в семье олигарха, а другой имеет малообеспеченных родителей, то ясно, что исходные социальные условия развития у двух детей будут различными. Первый ребенок может поступить в хорошую школу и престижный вуз, а затем занять привилегированное положение в обществе, а второй, даже в том случае, если он не уступает первому по природным задаткам и трудолюбию, столкнется с большими трудностями и в обучении, и в жизни. О какой же свободе развития можно говорить в данном случае? Но значит ли это, что подобное общество не может считаться гуманным.

Конечно, равенство тоже должно пониматься определенным образом: как не мешающее свободе. Если оно практикуется как всеобщее уравнивание, исключая возможности индивидуального и оригинального развития, оно, очевидно, вступит в противоречие со свободой и приведет к негуманным и даже антигуманным последствиям.

Это касается и других компонентов гуманистического идеала.

Так, например, справедливость может вступить в противоречие с милосердием (первая может быть и довольно жестокой). Ценность ненасилия может оказаться в конфликте с ценностью защиты страны и людей — а это предполагает использование силы.

Развитие общественной жизни не уменьшает количество проблем, а увеличивает их число, социальная жизнь становится все более сложной и рискованной. Те проблемы, которые были решены ранее (или казались решенными), возникают вновь, и нередко в более острой форме. Мы должны трезво понимать, что в каждый данный момент и в данных конкретных обстоятельствах воплощение идеала гуманизма может быть только частичным. Моральная личность берет на себя ответственность за эту неизбежную частичность его реализации. Но ориентация на гуманистический идеал — это единственная возможность сохранения человека и человечности, единственная возможность выстроить между разными культурами отношения диалога и партнерства.